

Н. Д. Марова

Екатеринбург

СТРУКТУРА ТЕКСТОМЕНТАЛЬНОЙ КАРТИНЫ ВИДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текстоментальное; перспектива; точка зрения; картина видения.

АННОТАЦИЯ. Излагается концепция, согласно которой текст, рассматриваемый в аспекте выражения им определённого ментального акта, проявляет относительные к точке зрения субъекта-наблюдателя перспективные свойства текстоментальной картины видения. Определяются её структурные компоненты.

N. D. Marova

Ekaterinburg

THE STRUCTURE OF THE TEXT AND MENTAL PICTURE OF VISION

KEY WORDS: text and mental; perspective; point of view; picture of vision.

ABSTRACT. The article deals with the conception, according to which a text discussed in the aspect of expression of a mental act, shows some perspective qualities of the text and mental pictures, which are relative to the point of view of an observer. The components of the text and mental picture of vision are demonstrated.

В качестве преамбулы поясним опорные понятия нашей концепции. Исходным является понятие *картины видения*, под которой понимается совокупность объектов действительности, интериоризованных сознанием субъекта-наблюдателя и организованных в текстовых формах посредством *перспективы* [5]. Термином «*текстоментальное*» обозначаются специфические качества этих форм как взаимобразного единства ментального и текстуального феноменов [6. С. 21 ff]. *Структура* текстоментальной картины видения рассматривается нами как единство двух её сущностных сторон: 1) целостность элементного состава, определяющего субстанциональный статус картины; 2) совокупность универсальных форм текстоментального процесса, определяющих онтологический статус картины.

I. Элементный состав картины видения. *Субстанциональным* основанием текстоментальной картины нами полагается категория *перспективы*, призванная устанавливать соотносительность картины видения с *точкой зрения наблюдателя* [6]. Тем самым обеспечивается целостность текстоментального действия как некоторой картины видения, опосредствующей его осуществление, и определяется основной состав её *структурных элементов*. Дадим их характеристику.

Ведущий структурный элемент текстоментальной картины видения — **точка зрения**, под которой понимается комплекс пространственно-временных и духовных факторов, обуславливающих особенности текстоментальной картины видения. В категориальном плане она выступает как медиа-

тор, трансформирующий воспринимаемое в соответствии с законами перспективного видения действительности. В этом качестве точка зрения способствует экспонированию атрибутов *антропоцентричности*, с чем связан принцип *относительности* картины видения. В результате возникает диалектический зазор между понятиями «*картина мира*», претендующая на объективное представление о действительности, и «*картина видения*», соотносимая с представлением, субъективированным индивидуальными свойствами наблюдателя [5. С. 18-20]. Это противоречие разрешается, на наш взгляд, признанием прав того и другого и оправданием относительной природы картины вообще: с одной стороны, она есть картина действительности, обладающая экзистенциальным модусом восприятия «*Есть* (в наличии) картина», поскольку она существует в сознании субъекта; с другой стороны, это картина видения наблюдателя, обретающая вследствие этого модальные предикаты «*Картина есть такая-то*». Однако дело, очевидно, не только в придании некоторой степени релевантности фактору точки зрения, но и в том, что она становится тем условием, благодаря которому в тексте запечатлевается субъективная и, следовательно, *индивидуально-своеобразная картина видения*.

Это обстоятельство, в свою очередь, отсылает к следующему структурному элементу — **наблюдателю** как к определённой инстанции в акте видения, дифференцирующей его участников: *автор, персонаж, читатель (слушатель)*, а также так называемые «*третьи лица*» (напр., апелляция к сакральным образам). Необходимость включения наблюдателя обусловлена тем, что

когда речь идёт о картине, то обязательно подразумевается зритель, который «видит» эту картину. Действительность, реальная или изображаемая писателем, предстаёт как нечто объективно существующее, которое без наблюдателя не может обладать признаком картинности. Как только это объективное «*нечто*» встречается с «глазом» наблюдателя, оно становится для него «*что*», т. е. объектом видения и картинирования. Наблюдатель — это и со-носитель, и со-творец духовного начала текстоментальной картины, от его личной точки зрения зависит характер её существования и специфика других её компонентов (например, индивидуальный стиль).

Далее, необходимым элементом картины является **совокупность текстоментальных объектов видения**, предъявляемая сознанию в виде неких конфигураций, создаваемых в процессе перцепции. Они, в сущности, и вызывают эффект картинности, который запечатлевает в тексте «потаянную» дискурсивность сознания. С учётом такой качественности объектов видения их совокупность в тексте целесообразно обозначить, на наш взгляд, терминологическим сочетанием «*фигурообразный дискурс*». В этом сложном понятии термин «*фигурообразный*» (нем. *figurenhaf, gegenstandhaft, dinghaft*) призван подчеркнуть совместность таких представлений, которые в текстоментальной картине видения могут принимать образы не только каких-либо конкретных предметов, вещей, но и их знаков и символов, или их заместителей в виде едва уловимых очертаний и контуров ускользающего от очевидности, но имплицитруемого субъектом восприятия в качестве данного его сознанию некоторого прообраза. В этом отношении «фигурообразы», с позиции лингвостилистического подхода, — это своего рода субституты таких глубин сознания, которые не воссоздают мир иконически, но позволяют понять «логико-лингвистическую перспективу», которую обуславливает тот факт, что их соотношение есть, наличествует, и за его облечённостью текстоментальной субстратностью угадывается определённый смысл их экзистентности. Определяя его, можно сказать, используя метафору П. А. Флоренского: «От картины созерцатель идёт к коже вещи, а от кожи — к самой вещи» [8. С. 252].

Другое слагаемое вводимого термина — «*дискурс*» — вызывает представление о чём-то центростремительном, но подчиняющемся одновременно единоохватному стремлению к некоторой внешней точке зрения, актуализирующей данную ситуацию как событие, что придаёт отдельному объекту видения, привязанному к ней, динамику расширения

и углубления пространственно-временной и духовной перспективы, которая решает для него признаки картинности. Такого рода дискурсивизация означает, что текстоментальность может категорематически существовать только в статусе картины, а картина — в статусе текстоментальности.

Следующий структурный элемент картины — **текстоментальное полотно видения** — означает как категория содержательно-тематический фон, на котором располагаются и становятся видимыми «*фигурообразы*» дискурса. Полотно символизирует те области действительности, в которые «вписывается» данный дискурс и которым он сопричастует. Благодаря этому картина видения вводится в мир универсумов, что придаёт ей смысл и что становится источником, питающим её существование. Однако и дискурс, в свою очередь, обогащает полотно своей конкретностью, экземплификативной неповторимостью.

Текстоментальная рамка видения — категория, которая определяет границы картины видения, т.е. производит необходимую для текстоментального процесса редукцию мира в его зафиксированный фрагмент, ограничивая распознаваемые пределы неким установленным относительно замкнутостью единством в каждый данный момент видения.

Текстоментальный горизонт видения вводит ограничение другого рода, а именно кругозор, соотносимый с определённой точкой зрения. Вместе с тем эта категория расширяет и углубляет пределы видимости по мере их постижения, выводит их за имеющиеся рамки и устанавливает новый масштаб идейно-тематического развёртывания перспективы видения.

Названный выше *элементный состав картины видения* основывается, таким образом, на факторах наблюдателя, его точки зрения и его перспективы видения, посредством которой фрагмент осознания восприятия раскрывается для обозрения как целостность, обретающая картинную топику и свои собственные контуры. Перспектива в этом случае с её привязанностью к наблюдателю и его точке зрения служит субстанциональным основанием текстоментальной картины видения, её структурный состав картинирует факт индивидуальности имманентного тексту видения. Таков смысл первой сущностной стороны текстоментальной картины. Теперь перейдём к рассмотрению её второй, онтологической, стороны.

II. Совокупность универсальных форм текстоментального процесса. Эти формы обнаруживают *онтологическую* предрасположенность отражать всеобщее, универсальное, внеположенное, созидающее начало текстоментального процесса, которое

исходит из его *трансцендентных* оснований. Оно закладывает необходимость отчасти неосознаваемой, но изначально человеку дарованной полноты *аспектов* соотносённости сознания с действительностью, составляющих *родовые признаки* картины видения. Вследствие этого любой текст как текстоментальная целостность становится носителем определённой *мета-перспективы*, отражающей в синтезированном виде комплекс её *исходных родовых форм*, единство которых в соответствии с их назначением целостно обозначить глобальным *пучком лучей перспективного видения*, сформированным авторской точкой зрения и освещающим значимые для него объекты.

Суть в том, что текстоментальная картина видения, претендующая на то, чтобы выступать в определённой мере «второй действительностью» сознания, остаётся всё же лишь его опосредованностью и предстаёт в качестве некоторого «отсвета» от его родовой заданности, хотя и трансформированной индивидуально-специфической перспективой наблюдателя. В новом статусе, как метаперспектива, она отражает мир не в его реальном виде, но приобретает эффект виртуальной «лучезарности», организуясь при этом в несколько перспективно-лучевых аспектов видения, определяющих (по их внутренней структуре и функциональному выходу) онтологическую полноту текстоментальной картины видения. Для краткости будем называть эти аспекты *лучами*. Охарактеризуем их.

Это прежде всего луч, отражающий глобальный текстоментальный процесс *наблюдения*, который с помощью процедуры *идентификации объектов видения* призван являть, закреплять, фиксировать их в сознании в виде некоторого фигуροобразного дискурса, образующего содержательный контингент картины. В конечном итоге этот процесс функционально выходит на уровень создания общей *картины объектов видения*.

Следующий луч видения отражает глобальный процесс *логического познания*, который призван выявлять картину отвлечённых от текста связей (*коннексий*) и соотносимых с ними категорий. С помощью процедуры *объяснения* наблюдаемое подвергается проблематизации и превращается во фрагмент *картины мира*, претендующей на объективность и истинность.

Другой луч освещает глобальный процесс *понимания*, который снабжает объекты видения некоторым *референциальным* содержанием, понятийно привязанным к ним как носителям этого содержания. С помощью процедуры *герменевтического толкования* эти понятийные элементы функцио-

нально выводятся на уровень создания *концептуальной картины*.

Необходимым видится также текстоментальный луч, отражающий *отношение* субъекта к действительности, его внутренние установки, предпочтения или неприятия, представления об их полезности, важности и т.п. С помощью процедуры *оценки* этот процесс функционально выходит на создание *картины ценностей*.

Существует также своеобразный луч видения, освещающий актуальное внутреннее состояние сознания субъекта, т.е. континуум его спонтанных умственных и душевных представлений, известных в психологии, литературоведении и лингвистике текста как «*поток сознания*». В аспекте картинирования он именуется нами *ментофлуктуацией* (лат. *mens* «ум, образ мыслей, душевный склад» + *fluxus* «течение, поток, движение»). Этот процесс, с помощью экспликативной процедуры *ассоциативации*, устанавливает связи ментальных образов с представлениями, хранящимися в памяти или закреплёнными в культурно-историческом опыте человека, и выстраивает *картину индивидуации* видения, выдвигая на передний план просоциальные качества наблюдателя, отражая в той или иной мере самые сокровенные его интенции, переживания, мотивации, особость апперцепции, темперамента, внутренней речи, стиля мышления и языка. Тем самым эта картина открывает доступ к восприятию энергетического ключа поведения человека как субъекта создаваемой в тексте картины.

Необычная роль отводится в тексте лучу видения, отражающему глобальный текстоментальный процесс, который помогает «видеть» смысл самого процесса видения в его *своеобразии* и мыслить это своеобразие как признак особой статусной *ценности* видения. Такой процесс умственного зрительствования, задачей которого является усмотрение индивидуально-специфической ценности текста как картины видения мы называем *театацией* (от гр. *thea* «умственное зрелище») [6. С. 48 ff]. Способом осуществления этого процесса служит *интерпретация* как процедура соотношения данной в тексте картины видения с другими, показывающими её своеобразие в ином свете с точки зрения и в терминах иной перспективы. При этом исходная картина видения имплицитно остающейся равной самой себе. На фоне такого соотношения различных перспектив в качестве функционального выхода возникает эффект метаперспективы, т.е. перспективного «удвоения» видения, вследствие чего формируется своего рода символическое *зеркало видения* текста, которое интегрирует текстоменталь-

ные лучи в единый пучок видения, проявляющий их собственную ценность.

Итак, структура текстоментальной картины видения свидетельствует о том, что эта категория обнаруживает следующие глобальные свойства: 1) интегрирование необходимых аспектов связи сознания с действительностью, что позволяет отнести её к *ментальным универсалиям*, служащим основой *гносеологической* функции языка; 2) установление связи с некоторой актуализованной ситуацией, что позволяет отнести её к *дискурсивно-прагматическим универса-*

лиям, являющимся основой *коммуникативной* функции языка; 3) обретение индивидуально-специфических качеств, зависящих от точки зрения наблюдателя и конкретных условий воплощения (в том числе языковых) его перспектив видения, что позволяет отнести её к числу *личностных (просопических) универсалий*, на которых базируется *психологическая* функция языка; 4) выделение признаков, общих с понятием изобразительности, что позволяет отнести её к *художественным универсалиям*, на которых зиждется *эстетическая* функция языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. АРУТЮНОВА Н. Д. Дискурс // Лингвистический энцикл. слов. М., 1990.
2. ВАВИЛОВ С. И. Глаз и Солнце. М., 1981.
3. ДЕШАРНЕ Б., НЕФОНТЕН Л. Символ : пер. с фр. М. : АСТ : Астрель, 2007.
4. ЛОСЕВ А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М. : Высшая школа, 1963.
5. МАРОВА Н. Д. Диалоги о перспективе текста. Алма Ата, 1989.
6. МАРОВА Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография : в 2 ч. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006.
7. РОЛЬ человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988.
8. ФЛОПЕНСКИЙ П. А. Обратная перспектива // Иконостаc : избр. труды по искусству. СПб., 1993.
9. NIETZSCHE F. Nachgelassene Fragmente. Kritische Studienausgabe // Sämtliche Werke. KSA in 15 Einzelbänden. München, 1988. Bd. 12.
10. RIESEL E., SCHENDELS E. Deutsche Stilistik. М., 1975.

Статью рекомендует д-р пед. наук, проф. Н. Н. Сергеева